

КОЦЕЛЪ, КНЯЗЬ «ЛЪШКИЙ»
В УСПЕНИЯХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ
(К вопросу о времени и месте создания текстов)

Анета Николова

KOCEL, THE «ЛЪШКИЙ» PRINCE IN TEXTS ON
ASSUMPTION OF ST. CYRILL AND ST. METHODIUS
(About the Time and the Place of the Texts' Creation)

Aneta Nikolova

Abstract: *This article proposes the hypothesis that the attribute “лѣшкый” to Kocel, duke of Pannonia (as well as ‘check’ to Rostislav, duke of Moravia) in the short hagiographical texts about the Assumption of Cyril and the Assumption of Methodius demonstrates that the texts have been written during the passing of the Fifth Crusade armies through Bulgarian lands when the Polish duke Casimir I of Opole took for a wife Viola, a princess from the Bulgarian royal dynasty who stayed in the chronicle of Jan Długosz as The Duchess of Opole, ‘Bulgarian by birth and descend’. Numerous features of the texts demonstrate that they have been compiled during the time of the Union of the Bulgarian church with Pope Innocent III and not in relation to the church synod convoked by Tsar Boril in 1211, or the one from 1235 after which the Bulgarian Church renounced the Union.*

Keywords: *Assumption of Cyril, Assumption of Methodius, Casimir Duke of Opole, Piast dynasty, Viola Duchess of Opole, The Synodicon of Boril, Fifth Crusade*

Несмотря на существование кратких, проложных житий первоучителей славян Кирилла и Мефодия в Прологе, в славянской традиции возникли и другие краткие тексты под условным названием Успение Кирилла (12 дошедших до нас списков, далее – УК) и Успение Мефодия (только 1 список нового времени с утерянной древней рукописи¹, далее – УМ). Такое положение ставит вопрос о том, для чего нужно было составление

---

¹ Успение Мефодия – это условное название краткого агиографического текста, известного в науке только по списку, сделанному Петром Прейсом в письме П. И. Шафарыку от 1842 г. и опубликованному Кл. Ивановой (Иванова 1999, 7–24). Текст получил свое название по аналогии с Успением Кирилла.

новых кратких житийных текстов – в какое время, где и для каких книг? О времени и месте создания текстов Успений в науке уже высказывались разные предположения. Обращало на себя внимание и такое «странное» отступление Успений от их основного источника – Пространного жития Кирилла, как обозначение паннонского князя Коцеля «лѣшким» (УК, УМ), а также великоморавского Ростислава – князем «чеським» (УМ и 1 неполный список УК). Притом Пространное житие Мефодия (гл. XI) свидетельствует, что лендзяне («ляхи») не только оставались язычниками, но в 70-х гг. IX в. даже нападали на христианизовавшиеся уже земли (Флоря 1986, 66). Хотя этот момент отмечался не раз в научной литературе, он все еще не нашел своего объяснения. Предлагаемые здесь рассуждения над таким общим для обоих текстов Успений «странным» местом дают возможность привязать возникновение памятников к конкретным историческим событиям. А это, безусловно, имеет значение для трактовки специфической идеи о болгарском характере миссии Кирилла и Мефодия, вложенной в них.

Как и краткие (проложные) жития, Успения считаются большинством ученых вторичными по отношению к кирилло-мефодиевским памятникам IX–X вв. Высказывались разные гипотезы о времени их создания: от самой ранней датировки Е. Георгиева к рубежу IX и X вв.², через датировку создания в эпоху византийского господства XI–XII вв. (Д. Ангелов) до определения «не ранее XIII в.» в исследованиях П.А. Лаврова, А. Теодорова-Балана, Б. Ангелова. Нижнюю границу создания памятников дают источники Успений: установлены заимствования из Пространного жития Кирилла, Пространного жития Мефодия, а также цитата из Похвалы Кириллу Клименту Охридского, но в ее вторичной версии; отдельные соответствия текстам Общей похвалы, и даже Написания о правой вере отодвигают все дальше нижнюю границу датировки (см. подробнее Флоря 1986, 63–65) и делают маловероятной «вообще связь Успения (Кирилла – б.м., А. Н.) с Охридской книжной школой конца IX – начала X в.» (Флоря 1986, 65). Употребление выражения «православная вера», по мнению П.А. Лаврова, указывает на время после Великой схизмы в середине XI в., а упоминание во мн. ч. «вса цесарства правоверных христиань», на что первым обратил внимание А. Теодоров-Балан, предполагает восстановление Болгарского царства, т.е. отодвигает границу к концу XII в. (Флоря 1986, 63–65)³. Наконец, созвучие «болгарских идей» в Успениях с относительно точно датированным Синодиком царя Борила, казалось бы, решает вопрос о времени и

² Этой датировке следуют составители хрестоматии по древнеболгарской литературе (Динев, Куев, Петканова 1978), что отмечается и Б. Н. Флорей (Флоря 1986, 63).

³ Здесь исследователи не обращают внимания на очень важный элемент, или не считают его показательным – прилагательное «правоверный», отмечая просто, что за множественным числом должно скрываться и восстановленное Болгарское царство (Флоря 1986, 67).

месте составления этих произведений – в связи с собором 1211 г. (**Иванова 1999**, 15).⁴ В то же время выражения «православная вера»/ «правоверная вера»/ «правоверные христиане» сочетаются в обоих текстах Успеней с неактуальностью темы триязычия и подчеркиванием роли папы римского как защитника Первоучителей, также с указанием о месте, где покоятся мощи Константина, из которых исходят чудеса. Такая «странность» не находит объяснения в соборе времен царя Борила, ни в том, что само чтение Синодика в литургической традиции установлено на Неделю православия. Но «объяснима», если Успеня создавались во время унии после 1204 г.

Не поддерживающий аргумент связи с Синодиком Б.Н. Флоря категоричен, что текст Успеня Кирилла бесспорно создавался в период существования Второго болгарского царства (**Флоря 1086**, 69). Это может объяснить определение «болгарин родом», часто встречающееся в агиографических произведениях эпохи царя Асеня, что отметил в своем исследовании Д. Чешмеджиев: так названы Иоаким I, Иоан Рильский, Прохор Пшинский и др. (**Чешмеджиев 2007**, 32). Без особых аргументов и на базе датировки Б. Н. Флоря, а также ссылаясь на свое предыдущее исследование, болгарский историк делает вывод по поводу возникновения Успеня Кирилла: «няма да бъде пресилено да се свърже неговата поява с възстановяването на православието в България и въздигането отново на Българската църква в патриаршеско достойнство през 1235 г.» (**Чешмеджиев 2007**, 32). В 30-е гг. XIII в. датирует тексты Успеней и А. Калоянов, считая, что «най-вероятно са дело на един автор (патриарх Иоаким)», а позднее – в 1278 г. в связи с собором патриарха Макария подвергались редакции (**Калоянов 2019**)⁵.

Здесь следует отметить и предположение М. Спасовой о том, что Успеня Кирилла предшествовало и было архетипом Пространного жития Кирилла (**Спасова 1989**). В Успении Мефодия исследователями отмечено расхождение в числах в сравнении с Пространным житием Мефодия, что связывается хотя бы с глаголическим источником (**Иванова 1999**,

---

⁴ История Синодика в его греческой, южнославянской и русской разновидности полна неясностей. Большинство исследователей традиционно считают указанием на создание славянской версии Синодика в Неделю православия приписку о том, что царь Борил повелел «прѣписати съборникъ ѿ грѣчьскаго на блъгарскѣи свои азыкъ» (л. 29а в Палаузовском списке), а также приписать к оросам соборов в греческой версии Синодика и установления болгарского собора 1211 г. Скорее всего эту приписку можно связывать увереннее с оросом собора, но не обязательно с переводом всего Синодика. Учитывая, что в этот момент Болгарская церковь формально находится в унии, такой тезис о времени создании славянского Синодика, а также Чина Торжества Православия, следует пересмотреть. А. А. Турилов считает, что древнейший славянский «Палаузовский список содержит редакцию, созданную при царе Иоанне Асене II (между 1235 и 1241) и дополненную при Тырновском патриархе свт. Евфимии» (**Турилов, Никитин 2003**, 27).

⁵ Высказываю свою благодарность А. Калоянову за возможность познакомиться с текстом этой книги по рукописи.

21). Бесспорно, однако, что Успения создавались на базе одних и тех же, видимо не дошедших до нас, первоисточников: напр. только в них упоминается, что Мефодий принимал участие в сарацинской миссии вместе с Константином. Хотелось бы специально обратить внимание на то, что в Успении Мефодия содержатся подробные и точные сведения из папских документов. Кл. Иванова даже предполагает существование славянского перевода послания папы Николая папскому легату Павлу, епископу Анконскому, о восстановлении епископского достоинства Мефодия (Иванова 199, 22–23). Вполне можем допустить, что общие для Успений недошедшие до нас источники на самом деле папские документы, которые могли стать доступными для болгарского книжника опять же во время унии.

Итак, Успение Мефодия дошло до нас в единственном списке в т. наз. прологе дьяка Симона, списанном с потертого, обветшалого⁶ болгарского извода нестишного пролога⁷. Язык памятника и славянские памяти этого пролога указывают на то, что протограф создавался в Тырнове до установления евфимиевской нормы правописания и занесения тырновских памятней. Кл. Иванова высказывает предположение, что текст Успения Мефодия (помимо Краткого жития Мефодия в прологах) составлен для чтения вместо объемного Пространного жития на время Великого поста, на который обычно выпадает 6 апреля (Иванова 1999, 16). Но почему тогда текст дошел в составе пролога, где должно быть краткое житие?

Успение Кирилла встречается в четырёх-книгах (минях, сборниках), но 14 февраля реже попадает на время Поста, а сохранилось больше списков этого Успения (при всей условности такого показателя).

Рассмотрим подробнее определения «лѣшкий» (а также реже встречающееся «чеський»), чтобы вернуться потом еще раз к остальным «странностям» Успений Кирилла и Мефодия. Лексемы не встречаются в более ранних южнославянских текстах. Любопытно, что слово **лахъ/ласи** в словарях зафиксировано только в более поздних памятниках – в древнерусской летописи⁸ и в софийской новгородской Минее XVI в., где выражение (**бывшаго**) **в ласе**^x несколько странно появляется в инципите Жития блаженного князя Вячеслава вместо указания **в чесьхъ** (РНБ, Соф. 1317, л. 446bβ по SJS 1973, 168). Авторы статьи о Константине Философе в Православной

⁶ О толковании слова «заношено» см. Иванова 1999, 9–10.

⁷ Об обычном (нестишном) южнославянском прологе XIII–XIV вв., в котором содержатся ранние древнерусские памяти, как об отражавшем охридские традиции в календаре Тырнова, см. Николова 2016. Пролог дьяка Симона содержит как раз то ценное указание на 11 июня как память св. благоверной княгини Ольги (т.е. 11 протоиюля), которое не имеет аналогов в древнерусской традиции и расценивается исследователями как указание на раннее южнославянское почитание (Павлова 2003, 230; см. также Николова 2016, 359).

⁸ В рассказе о расселении славян на Висле: **прозвашася лахове**, то же поляне, а от ранние памятники лютичи, мазовшане и поморяне. На летописи часто ссылаются как на ранние памятники, но следует учитывать, что древнейшие списки 1377 г., 1420-х гг., 1441 г., 1560 г. и т.д.

энциклопедии считают, что «уточнения» в Успениях показывают «незнание автором реалий IX в.: слав. кн. Коцел, правивший у оз. Балатон, назван здесь «лешским», т. е. польским, князем» (**Флоря, Чешмеджиев 2014**, 194).

Если определение «лѣшкий» не принадлежит первоисточнику, потому что ляхи не только не принимали славянское письменное слово, но даже и не были христианизованы, то такое определение следует отнести ко времени создания Успений. Но сразу возникает второй вопрос: почему составитель не воспринял традиционные в Пространных житиях названия? Что стало причиной заменить их на новые? Видимо причина может быть только внешней по отношению к источникам.

В 1980 г. болгарский историк Георги Пырвев, занимаясь проблематикой развития великокняжеской власти в Польше в период 1138 – 1202 г., обращает внимание на «польский» сюжет в болгарской истории в интересующий нас период (**Пырвев 1980**: 57 – 59).⁹ На момент работы болгарского историка в польской науке уже делаются попытки объяснить другое «сомнительное» известие в другом, базисном для польской истории, латиноязычном источнике XV в. – «*Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae*» Яна Длугоша. Единственно у этого средневекового хрониста под 1251 г. в конце статьи (*adscriptum*) отмечается кончина княгини (дукессы) польского княжества Ополе по имени Виола, которая «*genere et nacione bulgara*» (**Dlugossii VII**, 76). Это известие оспаривалось, как показывает дискуссия в польской исторической литературе. С 60-х гг. XX в. польский историк Владислав Джевувьски связывает ее болгарское происхождение с другим, тоже достаточно спорным моментом – с участием неизвестного польского князя в Пятом крестовом походе венгерского короля Андраша II (**Dziewólski 1969**). Таким мог оказаться князь Ополе Казимеж из династии Пястов, чьи земли были в Шленске на границе с Венгрией (**Андреев, Лазаров, Павлов 1994**, 57). Бесспорен факт, что – получив разрешение пройти через болгарские земли – Андраш II согласился на брак своей дочери Анны Марии с царем Иваном Асенем. Неназванным остался в источниках польский князь в окружении этого венгерского короля.¹⁰ Именно с ним связывает сведение

⁹ Информация о болгарской принцессе Виоле на польском княжеском престоле занесена даже в университетский курс по истории Болгарии (см. **Андреев 1997**: 174).

¹⁰ Документ Бела IV от 1246 г. перечисляет участников крестового похода под предводительством венгерского короля Андраша, и среди них «*ducis Polonie*». На это упоминание обратил внимание польский историк Б. Влодарски еще в 1924 г.; на базе папских документов он высказал четыре предположения по поводу этого польского князя. Поскольку остальные князья принимали участие в походе против еретиков в самой Европе или их земли были под угрозой прусов-язычников (князья Мазовши, Померании, Малопольши или Куявы), то только князь Ополе мог стать тем польским князем в походе Андраша II, чье имя не записано в источниках (см. подробнее также **Gładycz 2012**: 159 – 160). В современной польской науке за участие Казимежа Опольского в Пятый крестовой поход высказываются Вл. Джевувьски, Б. Жентара, З. Х. Новак, Г. Лябуда, М. Гладыш и др. (по **Horwat 2002**, 28; **Horwat 2005**, 24).

Яна Длугоша о дукессе княжества Ополе, родом и по национальности болгарке, польский историк Вл. Джевульский. Он допускает, что Виола родилась около 1204 г. и была дочерью болгарского царя Калояна или наследовавшего его на престоле Борила – это был еще один брак, о котором договорились Андраш II и Иван Асен. Такое допущение имеет и своих противников – прежде всего среди польских историков. Винцент Свобода (а его гипотезу поддерживают Казимеж Ясиньски и Иежи Хорват) оспаривает гипотезу Вл. Джевульского, настаивая на том, что Виола могла быть «принцессой венгерской, западнорусской, а также представительницей какого-то боярского рода» (по **Horwat 2002**, 28–30; **Horwat 2005**, 25). Впрочем, еще в 1934 г. Станислав Кетжиньски, оспаривая запись в польской хронике Яна Длугоша, выдвигает как аргумент романское происхождение имени жены Кажимежа Опольского (цит. по **Horwat 2007**, 25) и считает, что Болгария лежала далеко за политическими интересами шленских князей (цит. по **Dziewulski 1969**, 163). Историк допускает, что это «принцесса из какого-то рода венецианского или французского, который осел на территории восточнолатинской империи..., или же в государствах, созданных на Балканах или в Азии после четвертого крестового похода» (цит. по **Dziewulski 1969**, 160). Поэтому В. Свобода считает информацию о Виоле у Длугоша поздней интерполяцией. Он высказывает также мнение, что имя Виола вариант другого имени того времени – Иола, или Иоланта/Иоланда (по **Horwat 2008**, 26). Оно появляется два раза в родословной щечинских Пястов: такое имя получили сестра Казимежа – Виола Елжбета, и его дочь – Йоланта Хелена (**Horwat 2002**, 28). Судя по «параллелям» в венгерской династии того же века, считает И. Хорват, «можем только расположить ее (Виолу – б.м., А. Н.) среди потомства Андрея II или его брата Емерика» (**Horwat 2002**, 30). Однако допущение о первом следует отбросить, так как у Андраша II уже есть дочь с таким именем, и мало вероятно, что он имел такую же дочь от первого брака (там же, бел. 56). Остается «очень заманчивое», по выражению самого автора, предположение, что Виола – дочь старшего брата Андраша II, Эмерика, о котором известно только, что у него сын Владислав. Это может объяснить имя сына княгини Виолы – Владислав (**Horwat 2002**, 30). На самом деле, сразу отметим, нет оснований для такой «синонимизации» имен. С филологической т.зр. имя Иоланта/Иоланда можно считать только вариантом имени Елена/Хелена. Сам И. Хорват приводит замечание К. Рёмера о том, что во Франции знатные особы с именем Иоланда считали своей покровительницей св. Елену, но продолжает поддерживать гипотезу, что имена Иоланта и Хелена являются вариантами имени Виола (см. **Horwat 2005**, 25). Такое утверждение, на наш взгляд не имеет под собой оснований.

В своей рецензии на книгу И. Хорвата о Пястах горношленских Петр Анджей Дмоцховски и Анджей Шикорски достаточно критично отзываются

ся о венгерском родословии Виолы Опольской. Они считают, что «стараясь доказать венгерское происхождение Виолы, жены Казимежа», И. Хорват выдвигает «прямо фантастическое предположение, что мнимое происхождение из Капетингов через Арпатов могло найти подтверждение в типичных для французской геральдики цветах герба Пястов опольских – на нем золотой орел и голубой фон. Ссылается при этом на работе М. Каганец, которая, однако, не связывает эти цвета с Виолой и считает, что орел как гербовый знак Пястов горношленских появился лишь только в 1222 г.» (**Dmochowski, Sikorski 2010**: 153).

На самом деле еще в конце 60-х гг. прошлого века Вл. Джевульски показал, что романское имя дочери болгарского царя Калояна вполне возможно с учетом заключения унии Болгарии с папы Инокенцием III. В 1204 г. папский легат Леон (Leon Brankaleo)¹¹ прибыл в столицу Болгарии, где объявил болгарского архиепископа Василия «примасом» и принял участие в коронации самого Калояна. Поэтому вполне допустимо, что папский кардинал окрестил родившуюся тогда¹² болгарскую принцессу и дал ей латинское имя святой Виолы.¹³ За болгарское происхождение позже высказался и И. Шперка (**Sperka 1995**, 69 – 70).

Итак, видимо нет необходимости считать сведения средневекового хрониста Яна Длугоша неверными, хотя историки продолжают разделять разные мнения. Показательно, однако, что новейшие исследования (Анны Побуг-Ленартович, Гали Симеоновой-Конах и др.) не только принимают ее болгарское происхождение, но также показывают, что она, благодаря своему воспитанию в столичной среде, видимо меняла политическую, религиозную и культурную жизнь Опольского княжества, достаточно периферийного на тот момент для европейской латинской традиции. Так А. Побуг-Ленартович отмечает, что благодаря присутствию Виолы в Ополе развивается дворцовая культура: от местной оборонительной башни до каменного внушительного дворца¹⁴. Появляется царственная печать регентки мамолетних наследни-

¹¹ О нем см. **ЛИБИ IV**, 326, бел. 2; а также в письме Инокентия III – **ЛИБИ IV**, 357.

¹² Предположительно брачный возраст того времени не менее 13 лет для женщин, как это указано во втором титуле эклоги (см. напр. **Эклога 1965**: 45).

¹³ По мнению Вл. Джевульского, культ к святой Виоле сильно развит на родине Бранкалеоне, в районе Вероны (главное место его рода – Масса Трабария); подробнее см. **Dziewólski 1969**, 161 – 162.

Довольно любопытны факты об окружении самого Казимежа Опольского и позже его сына Мешка II, которые выносит Вл. Джевульский: среди их приближенных, по мнению автора, встречаются такие имена как Николай, сын Василия, а также Василий, тот же Ласкарис (**Dziewólski 1969**, 163), хотя их интерпретация несколько неясна. В. Свобода оспаривает этот аргумент, считая, что «Миколай и Василь это имена русские». А Ласкарис – Лашч (по **Horwat 2007**, 28).

¹⁴ Как отмечает А. Побуг-Ленартович, Виола выросла там, где только тронный зал столичного Царевца болгарской столицы Тырново был размерами 35 x 16 м, с тремя колонна-

ков – единственная в XIII веке у опольских князей, которая соперничала только с французскими печатями того времени (обр. 1, 2). Княгиня выпускает свои монеты, развивает княжескую канцелярию и выдает свои акты, сохраняет опольский княжеский престол для своих сыновей в условиях сложной польской политической борьбы; получает покровительство самого папы; сама попечительствует норбертанскому монастырю в Чарновонсах, где была ее старшая дочь, где похоронен муж, а вероятно – и она сама. Княжение Казимежа Опольского и регентство Виолы (после 1230 г.) помечены знаком перемен и восхода (подробнее у **Pobóg-Lenartowicz 2016**, 38 – 46, см. также **Welc 2016**).

Поскольку войско Пятого крестового похода проходило через Болгарию в 1218 г. (или 1219 г.), то такой «польский» сюжет мог иметь место именно тогда. «Странная» характеристика князя Коцеля, а также Ростислава, в Успениях актуальна не после собора 2011 г. (который ввиду унии можно считать и частью папской кампании в Европе против еретиков), а именно в связи с Пятым крестовым походом под предводительством Андраша II.¹⁵ Унией можем объяснить сведения, которые отсутствуют в кирилло-методиевских памятниках и нам сегодня известны только по латинским источникам, на что обращает внимание Кл. Иванова. Напр. сообщение, что первоучителей вызвал в Рим папа Николай, но они застали там вместо него папу Адриана; указание на то, что епископу Павлу Анконскому, папскому легату в Восточнофранкской империи и в Паннонии, было поручено вернуть Мефодия на его архиепископский престол и под. (**Иванова 1999**, 21 – 22).

Итак, «странное» определение Коцеля – князя «лѣшкового» (а и Ростислава «чеського») в текстах Успений Кирилла и Мефодия не связаны с «незнанием» составителя, а соответствуют реальностям начала XIII века до отказа от унии. В тексты включены сведения из папских документов, доступных для составителя только во время унии; нет упоминания о триязычниках и ясно показана положительная роль римского папы. Вполне возможно, что Успения создавались в Тырнове во время Пятого крестового похода. Тем более, что в них многократно употребляется слово «правоверный» (чаще, чем «православный»¹⁶), а это может быть связано и с идеей защиты христи-

---

дами, а Казимеж привел ее в княжеский дом, который представлял собой фактически всего жилищно-оборонительную башню из дерева 12 x 15 м (**Pobóg-Lenartowicz 2016**: 45 – 46).

¹⁵ Напомним, что Чешское королевство было официально признано именно в 1204 г. тем же папой Иннокентием III, что закреплено позже в золотой булле 1212 г. Моравия (по соседству как раз с Шленском) уже находится в Чешском королевстве.

¹⁶ А. Калоянов уже обратил внимание на частотность определения «правоверен» в Успении Мефодия (4 раза) и только раз в Успении Кирилла. Такое определение исследователь считает первоначальным. Это подтверждается уникальностью Успения Мефодия. После собора 1287 г., по мнению А. Калоянова, в Успении Кирилла оно было заменено на «православен» – 10 словоупотреблений (Подробнее см. **Калоянов 2019**, 311).

анской веры от неверных¹⁷ крестоносцами. Сами первоучители становятся распространителями правоверия на Востоке, окрестив тех, с которыми, согласно Пространному житию Константина, он вступал в богословские споры. Такая проблема требует дополнительного исследования, потому что она непосредственно связана с ясной «болгарской линией»¹⁸ в тексте, а это необходимо рассмотреть тоже в контексте событий времени составления Успеней.

Дополнительного исследования требует и употребление слова «православный», что делает возможным связывать тексты Успеней с отказом болгарского царства от унии. С этим событием связывали, как уже выше было упомянуто, время создания новых кратких житий первоучителям Кл. Иванова, Д. Чешмеджиев и др. А. Калоянов датирует создание Успения Мефодия после собора в 1236 г., так как память св. Мефодия под 6 апреля в этом году выпадает на воскресенье¹⁹. Но дошедшие до нас тексты вполне могут быть поздними редакциями более ранних текстов, составленных в конце 20-х гг. XIII в. Соотнесение времени составления Успеней с тем историческим моментом, когда через болгарскую территорию пропущено войско крестоносцев, может подсказать и причину составления, и предназначение новых кратких текстов о славянских первоучителях: Успение Кирилла не вошло в нестишный пролог, а оказалось в четьи-сборниках также, как и Успение

¹⁷ Так напр. в хрониках о крестовых походах «персидское племя турок» называется неверным, а христиане – верными (см. в хронике Фульхерия Шартрского «Деяния франков, совершивших паломничество в Иерусалим», кн. 1, гл. 1); крестоносцы считали, что «обеспечивают торжество вере христианской» (см. письмо предводителей крестоносного рыцарства папе Урбану II от 11 сентября 1098 г.); в своей речи (по изложению в «Иерусалимской истории» Роберта Реймского), призывая «всех верных», папа Урбан II говорит о «иноземном племени, чуждом богу народу..., неверном богу духом своим» (парафраз Пс.77:8) (цит. источников по переводу в **Заборов 1977**, 49, 98, 51).

¹⁸ Напр. актуальность на конкретный исторический момент вопроса о «болгарской» принадлежности города Солун, о болгарском (а не славянском) языке выходцев из этого города. В 1207 г. царь Калоян готовил поход на взятие Солуна, но поход не состоялся по причине его внезапной смерти. После знаменательной битвы у Клокотницы и подчинения Иваном Асенем Эпирского деспотства, и Солун оказался под его скипетром.

¹⁹ В четвертой книге своей монографической серии «Славянская православная цивилизация» А. Калоянов выделяет два собора того времени, о котором до нас дошли сведения в Житии патриарха Иоакима I Тырновского, «родомъ българи^н» (в самоковской Праздничной минее XV в., БАН 23). В житии говорится о соборе в 1232 г. (по **Калоянов 2017**, 35; датировка 1233 г. – **Грудков 1993**, 33–34) так: «архиереи же сътворише събор иссахоу по^абна архиєреискоу саноу, и шбрѣто[хоу]...» Здесь текст обрывается из-за утери целого листа (можно предположить, что там было описание событий в Лапсакe, где Иоаким получает патриаршеский сан и тем самым возобновляется Болгарская патриархия, но уже в Тырнове); на новом листе сохранился без своего начала рассказ о соборе в 1235 г., после возвращения Ивана Асена в столицу, когда «архиереи же вси западнии патриарха посадише на прѣстолю. въ велицеи патриархии Царгра^н Трънова» и, вероятно, именно на этом соборе оглашается возвращение в лоно Православия.

Мефодия осталось в заношенной, потертой книге без списков, где его и нашел дядя Симон. Такие тексты с «сильно болгарской линией» вполне могли быть составлены «на случай» светских событий. Именно между 14 февраля и 6 апреля и могла находиться на болгарской территории оставшаяся без провизий на зиму и вернувшаяся назад часть рыцарей Пятого крестового похода. Заключались браки, необходимо было показать роль болгар в европейской истории. А Константин и Мефодий были связаны с папством.

В заключение обобщим, что анализ «странного» определения Коцеля, князя «лѣшкового», и Ростислава «чесьского» в Успениях приводит к гипотезе, что эти тексты первоначально создавались во время и в связи с событиями 1218/1219 г., когда через территорию Болгарского царства было пропущено войско Пятого крестового похода под предводительством короля Андраша II, в свите которого был, как известно, неназванный в источниках польский князь. В этот момент и был заключен брак между дочерью венгерского короля и болгарским царем Иваном Асенем, но вероятно и между Виолой, «родом... болгаркой», и князем Ополе Кажимежем. Вполне возможно, что Успения Кирилла и Мефодия были составлены в связи с такими светскими событиями, независимо от времени поста. Дополнительного исследования Успения Кирилла требует выявление элементов более поздней редакции в связи с собором 1235 или 1287 г., что позволит условно «восстановить» первоначальные тексты 20-х гг. XIII в. Для этого, однако, необходимо полное критическое издание текста.

ИСПОЛЗВАНА ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Андреев 1997: Й. Андреев. История на Второто българско царство. Велико Търново, 1997./Y. Andreev. Istoria na Vtoroto balgarsko tsarstvo. Veliko Tarnovo, 1997.

Андреев, Лазаров, Павлов 1994: Й. Андреев, И. Лазаров, Пл. Павлов. Кой кой е в средновековна България. София, 1994./Y. Andreev, I. Lazarov, Pl. Pavlov. Koy koy e v srednovekovna Bulgaria. Sofia, 1994.

Динеков, Куев, Петканова 1978: П. Динеков, К. Куев, Д. Петканова. Христоматия по старобългарска литература. София, 1978./P. Dinekov, K. Kuev, D. Petkanova. Hristomatia po starobalgarska literatura. Sofia, 1978.

Заборов 1977: М.А. Заборов. История крестовых походов в документах и материалах. Москва, 1977./M. A. Zaborov. Istoriia krestovykh pokhodov v dokumentakh i materialakh. Moskva, 1977.

Иванова 1999: Кл. Иванова. Успение Методиево. – PBg, XXIII (1999), 4, 7–24./ Kl. Ivanova. Uspenie Metodievo. – PBg, XXIII (1999), 4, 7–24.

Калоянов 2017: А. Калоянов. Славянската православна цивилизация. 4. Великата църква на Царевград Търнов (1185–1626). Велико Търново, 2017./А. Kaloyanov. Slavyanskata pravoslavna tsivilizatsia. 4. Velikata tsarkva na Tsarevgrad Tarnov (1185–1626). Veliko Tarnovo, 2017.

Калоянов 2019: А. Калоянов. Славянската православна цивилизация. 5. „Възкръсналият Велики Преслав“ (1037–1185) и „възврънатото царство“ на Иван Асен II (1241–1308). Велико Търново, 2019./А. Kaloyanov. Slavyanskata pravoslavna tsivilizatsia. 5. „Vazkrasnaliyat Veliki Preslav“ (1037–1185) i „vazvarnatoto tsarstvo“ na Ivan Asen II (1241–1308). Veliko Tarnovo, 2019.

ЛИБИ IV: Латински извори за българската история. IV. София, 1965./Latinski izvori za balgarskata istoria. IV. Sofia, 1965.

Николова 2016: А. Николова. Охридските традиции и календарът на Царевград Търнов (върху материал от староруски църковни паметни). – Във: Великите Асеневици. Сборник с доклади от конференция, посветена на 830 години от въстанието на братята Петър и Асен, началото на Второто българско царство и обявяването на Търново за столица на България и 780 години от легитимното възобновяване на Българската патриаршия. Велико Търново, 2016, 256–365./А. Nikolova. Ohridskite traditsii i kalendarat na Tsarevgrad Tarnov (varhu material ot staroruski tsarkovni pameti). – Vav: Velikite Asenevtsi. Sbornik s dokladi ot konferentsia, posvetena na 830 godini ot vastanieto na bratyata Petar i Asen, nachaloto na Vtoroto balgarsko tsarstvo i obyavyavaneto na Tarnovo za stolitsa na Bulgaria i 780 godini ot legitimnoto vazobnovyavane na Balgarskata patriarshia. Veliko Tarnovo, 2016, 256–365.

Павлова 2003: Р. Павлова. Восточнославянские связи в южнославянской письменности XIII–XIV вв. Halle, 2008./R. Pavlova. Vostochnoslavianskie svyazye v iuzhnoslavianskoi pismennosti XIII–XIV vv. Halle, 2008.

Първев 1980: Хр. Първев. Основни моменти в развитието на великокняжеската власт в Полша за периода 1138–1202. – Тр ВТУ. Т. XVI, кн. 3. Велико Търново, 1979, 39–66./Hr. Parvev. Osnovni momenti v razvitieto na velikoknyazheskata vlast v Polsha za perioda 1138–1202. – Tr VTU. T. XVI, kn. 3. Veliko Tarnovo, 1979, 39–66.

Симеонова-Конах 2018: Г. Симеонова-Конах. За българските „мозайки“ и княгиня Венцислава-Виола в полската литературна и културна памет. – Slavica Lodziensia, 2, 2018, 233–244./G. Simeonova-Konah. Za balgarskite „mozayki“ i knyazhinya Ventsislava-Viola v polskata literaturna i kulturna pamet. – Slavica Lodziensia, 2, 2018, 233–244.

Спасова 1989: М. Спасова. Scriptio continua и ролята на един предлог. – ПБг, XIII, 2, 1989, 55–70./М. Spasova. Scriptio continua i rolyata na edin predlog. – ПБг, XIII, 2, 1989, 55–70.

Турилов, Никитин 2003: А. А. Турилов, С. И. Никитин. Борила царя Синодик. – Православная энциклопедия. Т. 6. Москва, 2003, 27–28./А. А. Turilov, S. I. Nikitin. Borila tsaria Sinodik. – Pravoslavnaia entsiklopediia. T. 6. Moskva, 2003, 27–28.

Флоря 1986: Б.Н. Флоря. К вопросу о датировке «Успения Кирилла». – Советское славяноведение, 1986, 6, 63 – 69./B. N. Floria. K voprosu o datirovke „Uspeniia Kirilla“. – Sovetskoe slavianovedenie, 1986, 6, 63 – 69.

Флоря, Чешмеджиев 2014: Б. Н. Флоря, Д. Чешмеджиев. Константин Фило-соф. – Православная энциклопедия. Т. 34, 186 – 225./B. N. Florya, D. Cheshmedzhiev. Konstantin Filosof. – Pravoslavnaia entsiklopediia. Т. 34, 186 – 225.

Чешмеджиев 2007: Д. Чешмеджиев. Култът на Кирил и Методий в българского средновековие. – Slavica slovaca. R. 42 (2007), 1, 20 – 36./D. Cheshmedzhiev. Kultat na Kiril i Metodiy v balgarskogo srednovekovie. – Slavica slovaca. R. 42 (2007), 1, 20 – 36.

Эклога 1965: Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Вступ. статья, перевод и коммент. Е. Э. Липшиц. Москва, 1965./Ekloga. Vizantiiskii zakonodatelnyi svod VIII veka. Vstup. statia, perevod i komment. E. E. Lipshits. Moskva, 1965.

Długossii VII: Ioannis Długossii. Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Lib. VII, VIII. Warszawa, 1975.

Dmochowski, Sikorski 2010: Piotr Andrzej Dmochowski, Andrzej Sikorski. Recenzje [J. Horwat. Riastowe górnośląscy. Bytom, 2007]. – Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej serii tom IX (XX). Warszawa, 2010, 151 – 167.

Dziewólski 1969: Wł. Dziewólski. Bułgarka księżna opolską. – Śląski Kwartalnik Historyczny Sobotka, t. 24 (1969), 159 – 182.

Gładysz 2012: M. Gładysz. The Forgotten Crusaders. Poland and the Crusader Movement in the Twelfth and Thirteenth Centuries. Leiden-Boston, 2012.

Horwat 2002: Yerzy Horwat. Księstwo Oplskie I jego podziały do 1532 r. Książęta. Miasta. Kościół. Urzędy. Własność prywatna. Rzeszów, 2002.

Horwat 2005: Yerzy Horwat. Książęta górnośląscy z dynastii Piastów. Uwagi i uzupełnienia= genealogiczne. Ruda Śląska, Katowice, 2005.

Horwat 2007: Yerzy Horwat. Piastowie Górnośląscy. – Rocznik Muzeum Górnośląskiego w Bytomiu. Historia, z. 8. Bytom, 2007.

Pobóg-Lenartowicz 2016: Anna Pobóg-Lenartowicz. Energiczne, władcze, pobożne. Książniczek i księżnych opolskich portret (prawie) własny. Opole, 2016.

SJS 1973: Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae. II. Praha, 1973. (= Словарь старославянского языка. В 4х тт. Репр. изд. Т. II. Санкт-Петербург, 2006.)

Sperka 1995: J. Sperka. Książęta i księżne Górnego Śląska. Katowice, 1995.

Welc 2016: Henryk Welc. Kazimierz I Opolski i jego czasy. Opole, 2016.